

27 АВГ 1986

та 1986 года ● 3

КНИГИ:
НОВИНКА НЕДЕЛИ

ПЕВУЧИЙ ПРАЗДНИК

«Странно я сейчас себя чувствую. В душе разбужен Вами такой безоблачный, легкокрылый, певучий праздник...» — писал Евгению Вахтангову Луначарский после генеральной репетиции «Принцессы Турандот», вскоре покорившей всю театральную Москву и долго-долго не старившейся, обновлявшейся новыми красками, актерскими импровизациями.

В спектакле блистали Юрий Завадский — Калаф, незабвенный Борис Щукин — Тарталья, А. Орочко—Адельма, и все же «первой дамой» этого веселого сказочного «королевства» была Цецилия Мансурова.

«Первая Турандот» — так и называется книга о ее жизни и творчестве, изданная Всероссийским театральным обществом (редакторы-составители С. С. Кауфман и М. В. Щедровицкая).

Как-то, отбиваясь от «интервьюеров», Цецилия Львовна не без присущего ей искрометного кокетства уверяла, что в ее биографии «нет ничего интересного, кроме романов» — романов-дуэтов на сцене с трагически переживавшим свою жизнь «не на той улице» Егором Булычовым — Щукиным, чьей «дочерью» была Мансурова, с Маттиасом Клаузеном — Астанговым («Перед заходом солнца») Г. Гауптмана, и — в особенности — с Рубеном Симоновым, ее партнером в таких триумфальных для них обоих спектаклях, как «Много шума из ничего», «Сирано де Бержерак», «Филумена Мартурано».

Уже после Турандот и шекспировской Беатриче артистическое и человеческое обаяние Мансуровой «перехлестнуло» рамки обычной театральной популярности и, так сказать, сделалось некоей деталью московского колорита тех лет. Прочитав в чьих-то воспоминаниях: «...И снова я вижу наш старый узкий Арбат, по которому, сияя своей лукавой улыбкой, идет Мансурова, и весеннее мартовское солнце светится в ее глазах, во всем ее счастливым облике», это же вновь испытывают не только ее бывшие

товарищи по сцене или занятые театралы. Мансуровой было удивительно «к лицу» причудливое ожерелье арбатских переулков, которыми она загодя отправлялась на спектакль и возвращалась с него, и недаром она любила поддразнивать своих более педантичных коллег, настаивая на том, будто Мансуровский переулок назван в ее честь.

В воспоминаниях об актрисе множество свидетельств того, что певучий праздник ее театральных созданий возникал не чудом, не «из ничего». За ним стояла высочайшая культура, постоянная работа над собой, настойчивое преодоление действительных — и мнимых — недостатков. «Не было дня, чтобы она не занималась станком, как балерина, — пишет одна из ее партнерш, М. Д. Синельникова. — Занималась спортом, много и хорошо играла в теннис. Тщательно и упорно разрабатывала она руки, которые казались ей недостаточно красивыми. Но этого труда никто не видел».

Обладала она, вспоминает мемуаристка, и необыкновенным умением слушать. В том числе — и совсем нелестные для себя отзывы. Имеющийся в книге раздел писем к Мансуровой открывается необычайно резкой оценкой актером и режиссером Б. Е. Захавой исполнения ею некоторых ролей в начале 30-х годов. «14 страниц сплошных оскорблений!» — вспоминала «адресатка» впоследствии. «Не каждый режиссер решится написать такое письмо первой актрисе театра и далеко не каждому актеру можно такое письмо послать, — замечает по этому поводу «свидетельница инцидента», Н. И. Захава. — Но они были вахтанговцы, для которых высокие требования в вопросах искусства были превыше всего».

Нет, не случайно Мансурова провела на сцене полвека и еще в 1971 году смогла вновь сыграть знаменитую сцену загадок из «Турандот»!

Но, читая книгу, трудно не поддаться чувству, которое выражено в письме одного из мансуровских учеников: «Что нового Вы делаете в театре? — интересовался он в 1965 году. — Неужели до сих пор театр Вахтангова — театр, носящий имя человека, который Вас обожал, не нашел для Вас пьесу? Как это может быть?..»

«Очень жаль, что поздновато пришли к ней некоторые роли...» — сетует и товарищ по театру. «Многое в Мансуровой осталось не осуществленным, не воплощенным на сцене... К этому нельзя не прибавить, что преступно мало ее работ было записано на пленку», — читаешь и в других воспоминаниях.

Между тем старость и болезни, увя, не запаздывают... И уже как будто сам, тоже все-таки нередкий ее зритель, готов виновато повторить вслед за ее коллегами и учениками:

«Мы всегда приходили к ней, когда она была нам нужна, но не всегда приходили к ней, когда мы были нужны ей».

И все же — старая любовь не ржавеет. «Сижу вся в цветах, в телефонных звонках и в гостях» — телеграфировала Мансурова после последнего творческого вечера. И книга, о которой идет речь, превосходно оформленная художниками И. В. и И. И. Голицыными, — еще одно изъятие этой любви и благодарности.

А. ТУРКОВ.